

Марина
СЕРОВА

Смертельные фантазии

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Смертельные фантазии

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Смертельные фантазии / М. С. Серова — «Эксмо»,
2019 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

У Анны Климовой пропала дочь Жанна. Девушка в последнее время вела себя странно – некогда примерная ученица, она теперь слушала мрачную музыку, целыми днями пропадала у друзей и даже прирастилась к алкоголю. Анне не оставалось ничего другого, как обратиться за помощью к частному детективу Татьяне Ивановой. Вскоре Татьяна понимает, что Жанна увлеклась красивыми, завораживающими играми. А в таких часто участвуют опасные люди...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Серова М. С., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Марина Серова

Смертельные фантазии

© Серова М.С., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Пролог

Крупные капли дождя барабанили по холщовой материи, скатывались, словно по горке, вниз, образуя лужи на небрежно заброшенной листвою земле. Небо будто бы оплакивало безвозвратно уходящее лето, предвещая затяжную холодную осень. Темный свод, затянутый пеленой облаков, не являл ярких звезд, не давая ни малейшей надежды на просвет. Да и к чему звезды, к чему луна или месяц, к чему лето, если в душе царит сумрачная мгла, которую невозможно растопить проблеском радости? К чему яркое солнце, к чему теплый огонь костра и мягкая зелень свежей травы? Не нужно всего этого. Пускай катятся к чертям и солнце, и лето, и звезды! Пусть льет дождь, пускай он не заканчивается, пускай весь лес затопит огромное унылое море слякоти и гниющей листвы...

Палатка. Добротная, хорошая палатка, которая не пропускает влаги. У нее самой никогда такой не было и не будет. У нее и спальник только недавно появился – лишь после того, как она дико замерзла ночью в лесу, в предыдущий раз. И только та ночевка побудила ее наконец-то приобрести нормальный спальник, как у всех людей, которые мало-мальски заботятся о своем здоровье и комфорте. Вот он – синий спальник, расстеленный во всю длину, лежит на каремате, или, как в народе называют, пенке. Пенка тоже не ее, из личных вещей у нее только этот пресловутый спальник да рюкзак, слишком громоздкий для повседневной носки и чересчур маленький для походного. Она сидит в длинной черной юбке, вроде как претендующей на подобие средневековой, и в кофточке красного цвета с узорами. Кофту купила не она, а ее мама, для торжественных случаев. Красивая кофта, пригодилась вот... Да что в ней толку, в кофте, юбке или плаще... Привлекательнее они ее не сделали, увы. И остается только сидеть в палатке с налобным фонариком, судорожно писать в записной книжке все, что приходит в измученный ум, надеясь, что это поможет справиться с диким приступом отчаяния и тоски. Страница уже насквозь вымокла, чернила расплылись. Не от дождя. От слез.

Она писала неровными каракулями, как сумасшедшая, изредка прерываясь, чтобы справиться с потоком рыданий. Нельзя, чтобы кто-то услышал их, нельзя... Хорошо, что она одна в палатке, но если кто-то пройдет мимо? Да плевать на всех, пусть слышат, как ей плохо. Все равно осталось недолго...

В плеере – песня группы «Ксандрия», «So you dissapear». Она заслушала эту вещь «до дыр» и раз за разом нажимала на повтор, чтобы услышать тот припев, который словно создан для нее.

«Я мечтала, словно дитя,
О сказочных принце и принцессе...
И теперь ты исчезаешь».

Она так и переводится – «Ты исчезаешь». Эту песню она сама переводила и удивлялась, насколько западная мелодия созвучна ее нынешнему состоянию. Прослушивая партию ударных и клавишных, она сливалась с хриловатым женским голосом и вспоминала. Вспоминала, как он впервые подошел к ней. Как он заботливо спросил, не голодна ли она, и предложил какой-то пряник – наверняка нечто дешевое, походное, из обычного магазина. Но тот пряник оказался ей самым ценным подарком в ее жизни. Она отдала бы все, лишь бы вернуть тот момент, лишь бы переживать его раз за разом... Он называл ее «моя милая волшебница», и эти слова были самыми дорогими из всех, что она когда-либо слышала. Он заботился о ее самочувствии, беспокоился, если она надолго куда-то пропадала... Ей так казалось. Нет-нет, она свято верила в это – он действительно беспокоился и заботился о ней, как никто другой! Как отец, если бы он был у нее, как... Как самый близкий человек. Самый прекрасный чело-

век в мире. Да что тут говорить – ей в жизни не встречались столь красивые люди! Глубокие карие глаза, черные волнистые волосы до плеч, правильные черты лица. Ему удивительно шла черная одежда, в ней он казался магом – такими она себе магов представляла. Он мастерски фехтовал и играл на поперечной флейте, он обладал мелодичным голосом и какими-то неуловимыми, таинственными чарами. Она все время представляла, как они вместе кружатся в быстром вальсе – она умела танцевать вальс, и он бы наверняка восхищался, как она плавно и красиво движется под музыку! Под песню – «So you disappear». Их отношения можно было бы описать словами из этой песни. «Я слишком сладко замечталась, и теперь ты исчезаешь...»

Наверно, она сама виновата. Он прямо спросил ее, а она ответила отказом. Он не стал настаивать – поступил по-рыцарски. Она не смогла согласиться, хотя очень хотела этого. Но ведь у нее был уже молодой человек, только любви между ними не было. Он говорил, что любит ее, а она попросту принимала эти слова, но не отвечала взаимностью. Но и не расставалась с ним – надеялась, что все произойдет само собой. Как-то их дорожки случайно разойдутся, не будет ни выяснения отношений, ни обид, ни уговоров. Лучше, если б он сам предложил расстаться. А она бы согласилась. Но сказать первой – нет, она же поступит некрасиво по отношению к нему! Но... любит она другого.

А тот, другой, – он не стал ее добиваться. Получил отказ и не расстроился, ни капли. И уже в тот же самый день, вечером, пока дождь не начался, сидел у костра с другой девушкой. Она даже не помнила, кто был помимо них. Да какое это имеет значение! Только два человека завладели ее вниманием – он и девушка в роскошном платье на манер одежды китайской – или японской – придворной дамы. Эту девушку она давно знала, они неплохо общались. Ее все звали Леночкой – уменьшительно-ласкательно, потому что она казалась такой нежной и хрупкой, что никому и в голову не пришло бы назвать ее иначе. Вот с этой Леночкой он и беседовал, периодически дотрагиваясь до ее волос и рук. А она не возражала, несмотря на то что знала: он приехал в лес не один! А отвергнутой «милой волшебнице» ничего не оставалось, кроме как сидеть у костра и надеяться, что за его пламенем никому не будет видно ее лица.

Никто и не заметил, как она ушла. Никто не обратил на нее внимания – ни он, ни Леночка. Никому и не будет дела, если она вдруг исчезнет – как в той песне. Да нет же, он будет вспоминать о ней, будет страдать, будет себя винить в том, что так обошелся с ней... Он будет искать ее по всему лесу, и когда найдет ее – лежащую в траве, прекрасную и мертвую, он тоже выберет смерть, чтобы соединиться с ней! И они будут счастливы вместе – не важно где, на этом свете или на том. Они будут танцевать, как принц и принцесса, и там их любовь будет вечной.

Раздался глухой раскат грома, дождь полил с новой силой. Это словно послужило неким сигналом – она закрыла записную книжку, засунула ее в карман юбки. Вытерла рукавом кофточки слезы. Проверила, на месте ли все. Порядок. Сейчас – лучшее время, чтобы совершить то, о чем она думала еще до этой поездки. Сейчас – или никогда.

Глава 1

Я тоскливо смотрела на чашку кофе, к которой, несмотря на мою жуткую кофейную зависимость, за время нашей с Олесей беседы я так и не притронулась. Я вертела чашку в руках, как будто впервые в жизни видела сей предмет посуды, стараясь не встречаться с печальными глазами подруги. Наконец я проговорила:

– Слушай, Олесь, даже не знаю, как тебе помочь. Знаешь, дети, а особенно подростки, – они такие сложные существа... К сожалению, я не психолог, поэтому не могу дать тебе определенный совет.

– Тань, ну придумай что-нибудь! – взмолилась та. – Мне, кроме тебя, не к кому обратиться...

Еще когда Олеся мне позвонила и попросила встретиться, я почувала что-то неладное. Обычно оживленный, суетливый голос подруги звучал по телефону как-то странно. Мы давно не общались с Олесей, которую я всегда называла за глаза «сумасбродной мамашей». Знакомы мы с ней довольно давно, и могу сказать, к приятельнице я всегда питала самые добрые чувства. Конечно, Олеся – человек своеобразный: любит поболтать, ну да это профессиональное. А чего еще ожидать от учительницы английского языка, работающей в обычной школе Тарасова? Естественно, язык у нее подвешен, еще бы. Столько уроков вести – явно не для молчаливых людей, хотя, надо заметить, Олеся никогда не станет болтать попусту, ни о чем. С ней интересно общаться – познания у подруги обширные, она прекрасно разбирается и в литературе, и в искусстве, умудряется ходить по музеям, несмотря на крайне стесненное материальное положение. Единственное, что может в Олесе вызывать некоторое раздражение, – так это ее крайняя заикленность на своих детях, отчего, собственно, и возникло ее прозвище. Несмотря на то что ее дочери уже не маленькие несмышлениши, подруга проявляет гиперопеку и не прочь говорить о своих детях часами, а то и больше. Собственно, и встретиться она со мной захотела из-за проблем с одной из ее дочерей. Внезапный утренний телефонный звонок Олеси меня встревожил – я сразу согласилась встретиться с ней в кофейне неподалеку от центра города. Я поняла, что с подругой стряслась какая-то беда. Может, кто из девочек заболел или еще какая неприятная история произошла... Дел у меня на сегодня никаких запланировано не было, поэтому я быстро надела легкие джинсы и куртку и спустилась выгонять машину из гаража.

Беда и правда пожаловала в Олесин дом, однако я даже не подозревала, что у приятельницы произошло на самом деле. Оказалось, что старшая дочка подруги, насколько я поняла из Олесино рассказа, совсем отбилась от рук. Приятельница поведала мне печальную историю: ее дочка, которая раньше хорошо училась в школе и посещала различные кружки и секции, сейчас совсем забросила свои прежние интересы. Но это еще не самое страшное – можно понять, когда ребенок отказывается учить уроки, если ему не нравится в школе. Ну или в жизнь внезапно врывается первая любовь – какая там учеба...

– Я бы все поняла! – изливала мне душу Олеся. – Ладно, если б мальчик у нее появился или что-то подобное... Но теперь она все время просиживает в комнате за компьютером! Подсела на какую-то сетевую игру, и я ничего сделать не могу! Мне кажется, она в зомби превратилась!

– Ну попробуй убрать компьютер, – пожал плечами я. Подруга посмотрела на меня так, словно я только что сказала некую несусветную глупость.

– Думаешь, я не делала этого? – наконец проговорила она. – Ужас, что потом было! Она угрожала мне покончить жизнь самоубийством! Поставила ультиматум: либо я оставлю ее в покое, либо она вскроет вены! Это ад какой-то!

– Да уж... – протянула я в замешательстве. – Конечно, современные технологии – это прекрасно, но игромания может излишне захватывать. Впрочем, как и любая другая односторонняя увлеченность.

– Мне от этого не легче! – вздохнула Олеся. – Пыталась ее к психологу сводить – так что ты думаешь? Моя умница голодовку объявила! Заявила, что если я от нее не отстану, то буду виновата в ее преждевременной кончине! Она представляешь, как со мной разговаривает? Чуть ли матом не посылает! А младшая вот на нее насмотрится и то же самое начнет делать! Я уже домой боюсь приходиться... Старшую не трогаю – она сидит за своим компьютером и мышкой шелкает. Не дом, а фронт холодной войны. Никто ни с кем не разговаривает, старшая даже на кухню не выходит – если я ей поесть в комнату не принесу, она так и не вспомнит о том, что люди, в принципе, должны чем-то питаться. И ведь неизвестно, с чего все началось. Несколько месяцев назад у меня нормальные дети были, а теперь... Танюш, может, ты с ней поговоришь? Вроде вы с ней неплохо общались, вдруг тебя послушает?

– Не думаю... – с сомнением протянула я. – Я не отказываю тебе, Олеся, но тоже пойми. Я ведь частный детектив, а не специалист по общению с подростками. Компьютерные игры и прочие зависимости – не моя сфера деятельности. Я просто не предполагаю даже, каким образом могу тебе помочь.

– Ну ты же можешь что-нибудь придумать! – взмолилась Олеся. – Танюш, ты ведь умная, столько дел распутала, общаешься со всеми подряд... Или вдруг у тебя знакомые есть, которые в этом разбираются? Я здесь бессильна, у меня руки опускаются... Хоть самой в петлю лезть, ей-богу!

Я собралась сказать подруге что-нибудь ободряющее и бессмысленное, но не успела. Внезапно зазвонил мой мобильный телефон, и, признаюсь, я весьма этому обрадовалась. Не люблю сложные ситуации, в которых я бессильна оказать какую-либо помощь. Я вообще ненавижу признавать поражение. Но тут уж ничего не попишешь – если бы та же самая Олеся обратилась ко мне с просьбой найти преступника, который, скажем, засадил ее дочь за компьютерную игру, – я бы, не раздумывая, согласилась оказать ей помощь. Но вся беда в том, что преступника не существовало, и Олесину дочку никто насильно не заставлял стать геймером. Тут уж, увы, частный детектив Татьяна Иванова ничем не может помочь, несмотря на давнюю дружбу с несчастной Олесей.

Звонили мне с незнакомого номера. В принципе, я давно не удивляюсь, когда мне названивает некто неизвестный – работа у меня такая, действует «сарафанное радио». Если звонит кто-то, не записанный в мою телефонную книгу, в большинстве случаев это означает новый заказ. Редко кто звонит Тане Ивановой по ошибке – обычно обращаются люди со своими проблемами криминального характера, которые по той или иной причине не спешат идти в полицию. Кому-то меня советуют мои бывшие клиенты, которым я помогла, кто-то узнает обо мне из других источников – я уже не интересуюсь, откуда клиенты знают, что в Тарасове работает частный детектив Татьяна Иванова. Если на заре своей детективной деятельности мне было любопытно, кто посоветовал ко мне обратиться, то сейчас я попросту спрашиваю о сути вопроса и узнаю обстоятельства происшествия. Да, совсем забыла сказать. Если раньше я с готовностью бралась абсолютно за любое расследование, то сейчас я крайне придирчива к потенциальной работе. Мне жалко тратить свое время на расследование слишком простых, бытовых дел, в которых может разобраться и второсортный специалист. Сейчас я предпочитаю браться только за запутанные дела, расследовать которые мне будет самой интересно. Деньги, естественно, играют свою роль – беру я немало, но мои услуги того стоят. И все-таки я считаю, что лучше заниматься тем, что действительно нравится, нежели бросаться на все подряд, только чтобы получить положенный гонорар и забыть все, как дурацкий, бестолковый сон. Благо сейчас я могу выбирать, чем мне заниматься, и запросто отказываюсь, если клиент предлагает мне скучное и неинтересное дело.

Я с извиняющимся видом посмотрела на Олеся и нажала на кнопку ответа на звонок. Подруга сделала жест рукой, показывающий, что она ни капли не возражает, если я буду сейчас разговаривать по мобильному телефону. Она ведь в курсе, что по долгу службы я обязана отвечать на звонки, вне зависимости от того, где и с кем в настоящее время нахожусь. Я поднесла трубку к уху, а Олеся занялась своим кофе, который, как и у меня, наверняка давно остыл.

– Здравствуйте, – раздался тихий женский голос. – Мне бы поговорить с Татьяной Ивановой... Я правильно позвонила?

– Да, все верно, – отозвалась я. – Татьяна Иванова – это я. А как я могу к вам обращаться?

– Меня зовут Анна Климова, – представилась женщина. – Простите, а как вас звать по отчеству? А то неудобно как-то, я вас только по имени и фамилии знаю, уж извините меня.

Я сразу поняла, что женщина находится в смятении. Она произносила вроде понятные фразы, но получалось у нее это коряво, словно она не могла из обычных слов составить нормальное предложение. Такая речь обычно бывает у людей, которые растеряны или взволнованы, а по тихому голосу женщины я сделала вывод, что она пребывает в состоянии отчаяния, граничащего с безысходностью. Что-то везет мне сегодня на отчаявшихся женщин – то Олеся со своей горе-дочкой, то эта Анна Климова...

– Можете называть меня Татьяной, – сказала я. – Если вам принципиально знать мое отчество, пожалуйста. Татьяна Александровна Иванова. Вас-то как мне лучше называть?

– Ой, да как хотите! – внезапно голос женщины дрогнул, словно она пыталась подавить рыдания. – Мне очень, очень нужна ваша помощь! Пожалуйста, не отказывайте мне, я боюсь идти в полицию, это может повредить репутации Жанны, она ведь отличницей в школе была и в университете на красный диплом идет... Точнее, шла... Сейчас я не знаю, мне все равно, да бог с ним, с дипломом этим, только найдите ее, пожалуйста, умоляю вас!

– Так, давайте по порядку, – прервала я полубессвязный поток речи Анны Климовой. – Жанна – это кто? Ваша дочь, подруга?

– Дочка моя единственная, – отозвалась моя собеседница. – Жанночка, пропала она... Я не знаю, что делать, она на звонки не отвечает, и где находится – тоже не знаю. Помогите мне, пожалуйста, я заплачу вам, сколько вы скажете, только найдите ее!

– Анна, давайте с вами встретимся в удобное для вас время, и вы в деталях мне расскажете свою историю, – предложила я. – Я с радостью помогу вам, только пока я не узнаю подробности исчезновения вашей дочери, я ничего не смогу сделать. По телефону говорить не слишком удобно, вы меня понимаете. Вы можете встретиться со мной?

– Конечно, когда вы скажете! – с готовностью отозвалась Анна. – Только... я живу далеко, дома у меня не убрано... Как с Жанной все это началось, я квартиру совсем забросила, за порядком не слежу. Давно мне надо было с ней поговорить, может, и не пропала бы она...

– Вы ведь вместе с дочерью живете? – уточнила я.

– Да, конечно, – подтвердила моя собеседница. – Далеко от центра, к сожалению. Может, жили бы мы где-нибудь поблизости от университета, где Жанна учится, все было бы не так. Да нет, нет, это же в конечном счете все отговорки были... Только бы нашлась она, дочка моя...

– Ладно, с этим мы разберемся, – пообещала я. – Скажите, где вы живете и когда вам удобно со мной встретиться?

– Я проживаю на улице Зарубской, это Завьяловский район, – проговорила Анна. – Дом пятьдесят три, квартира один. На первом этаже.

– Отлично, – среагировала я. – В какое время мне лучше к вам подъехать?

– Да когда вы сможете, я весь день буду дома, – пробормотала женщина. – Я даже не знаю, что делать... Все городские больницы обзвонила, даже в морг звонила, слава богу, Жанны нигде нет. Значит, она жива, правда? А вдруг... вдруг ее найдут, и...

Продолжать несчастная не смогла – я услышала рыдания, которые та уже не пыталась скрывать и сдерживать. Я молчала. Олеся смотрела на меня, пока я разговаривала со своей

клиенткой. На лице ее читалось разочарование, смешанное с любопытством. Понятное дело, приятельница расстроилась, что я не могу ей помочь повлиять на дочь, и в то же время Олесе наверняка было интересно, что за дело я буду расследовать на сей раз. Этому у нее не отнимешь – подруга, даже несмотря на собственные проблемы, всегда любила, когда я ей рассказывала что-нибудь интересное из своей детективной практики.

Наконец Анна справилась с приступом отчаяния и тоски и проговорила слегка дрожащим голосом:

– Простите меня, пожалуйста. Приезжайте, как сможете. Просто... просто у меня горе, понимаете...

– Успокойтесь, прошу вас, – произнесла я. – У вас есть что-нибудь вроде валерьянки или пустырника? Выпейте, придите в себя. Я сейчас уже выезжаю, думаю, если не будет заторов, скоро буду у вас.

– Спасибо вам огромное! – искренне проговорила женщина. – Пробок сейчас из города быть не должно, если вы едете из центра. От нас обычно заторы в восемь-девять утра, когда люди на работу добираются. Вечером улицы стоят, после пяти часов где-то.

Я еще раз настоятельно посоветовала Анне успокоиться и положила трубку. Посмотрела на Олесю, но не успела ничего сказать – подруга меня опередила.

– Новое дело, да? – спросила она. Точнее, уточнила, из моих ответов по телефону и так все было ясно.

Я кивнула.

– Эх, и я тут со своими заботами, – вздохнула Олеся. – Ты уж извини, что я тебя сорвала... У меня ж по понедельникам выходной, вот и подумала, что ты тоже свободна. Ты, наверно, и так по уши в этих своих расследованиях, и я вот... Танюш, прости, но я честно не знаю, как мне бороться с этой треклятой игроманией у ребенка!

– Знаешь, Олеся, ты успокойся лучше, – со вздохом проговорила я. – Не дави на дочь. Попробуй показать, что ты не осуждаешь ее за компьютерные игры. Может, у нее проблемы в школе или с одноклассниками поссорилась, вот и ушла в виртуальный мир. Еще раз повторяю, я не специалист, но на твоём месте я бы просто спокойно побеседовала с дочкой, узнала бы, что ее тревожит. По крайней мере, она ж из дома не сбежала, уже хорошо. Алкоголь и наркотики не принимает, еще один повод порадоваться. А с играми – кто знает, может, наиграется и успокоится.

– Ох, хотелось бы мне в это верить... – протянула приятельница. – Но ты права, впрочем. Побег из дома – это, наверно, похуже, чем жизнь за компьютером. Верно, хоть она наркотиками не балуется и не курит... Хотя, знаешь, с ней вообще жить сейчас трудно, вспыльчивая донельзя стала, особенно если я ее от игры отвлекаю. И куда катится этот безумный, безумный мир?..

Я предложила Олесе подбросить ее до дома на машине, но та отказалась. Предпочла воспользоваться общественным транспортом, сославшись на какие-то неотложные дела. Я не стала настаивать – ведь мне предстояло самой ехать на другой конец города, и неизвестно, сколько времени это займет. Конечно, Завьяловский район – это не такая глухомань, но человеку, привыкшему жить в центре города, окраины Тарасова представляются богом забытыми трущобами. Я не говорю конкретно о себе – за время своей профессиональной практики я изъездила весь город, а заодно и всю область в целом вдоль и поперек. Но обе мои квартиры – я говорю не только о той, в которой проживаю, но и о другой, доставшейся мне от бабки, – находятся в центре Тарасова, посему я привыкла к тем улицам и заведениям, по которым езжу или хожу чаще всего и в которых бываю по своим делам.

На улице стояла совсем летняя погода, несмотря на скорое приближение осени. Конец августа – благодатная пора. Не такая жара, как в июле, но еще не зарядили первые тоскли-

вые дожди. Кое-где зеленую листву уже тронули ярко-желтые мазки, однако они придавали деревьям радостно-нарядный вид. Солнце резво играло своими лучами на асфальте и крышах домов, словно затеяло веселые догонялки и всюду предавалось летнему веселью. Да, в такую погоду сложно поверить, что у кого-то есть свои проблемы, горести и несчастья. Честно говоря, мне вообще хотелось забыть и о работе, и о каких-либо бытовых делах и предаться отдыху. Скажем, махнуть куда-нибудь на юга или в столицу, развеяться, побродить по улицам или поваляться на пляже... Давненько я никуда не выбиралась, что-то в последние годы провожу все свободные дни в Тарасове. Нет, надо что-то с этим делать. Вот когда я в последний раз была на Волге? Или выезжала с друзьями на дачу, на пикник? Друзей у меня, конечно, немного – но взять хотя бы ту же самую Олесю. Хотя у нее в августе уже начинается работа – бедолаге приходится ежедневно, кроме выходных, бывать в школе и заполнять какие-то бумажки. Да есть и Володя Кирьянов – помнится, он в июне звал меня к себе на дачу, куда выбирался вместе с женой и детьми. Эх, жаль, у меня не получилось согласиться на его приглашение – я как раз расследовала какое-то дело, потому и отказалась. А у Володи дача классная – поблизости лес, речка, хочешь – сиди на пляже да на волны смотри, хочешь – броди по лесу, грибы собирай да дыши свежим воздухом... Я хоть и городской человек, привыкший к магазинам, кафе и ресторанам, но случаются времена, когда и мне хочется побыть на природе. Хоть денек, да больше я и не выдержу – начну тосковать по «каменным джунглям» Тарасова. Но сменить обстановку бывает полезно, даже для «гения сыска» Татьяны Ивановой.

Я тряхнула головой, чтобы отогнать посторонние мысли, и села за руль своей «девятки». Все, хватит мечтать – пора делом заниматься. У меня впереди расследование – я уже решила, что возьмусь за дело Анны Климовой, даже если оно окажется пустяковым и не особо запутанным. Интерес интересом, а у несчастной женщины горе, и если я могу помочь ей, то почему бы и нет? Тем более пока у меня клиентов помимо нее нет, выбирать не из чего. По-быстрому разберусь с ее дочерью, разыщу ее, а там видно будет. Я же не изверг какой – отказывать человеку из-за того, что, видите ли, «в вашем деле все банально и просто, ищите Жанну сами, а я подожду чего-нибудь более занимательного». Нет уж, не стану привередничать и жалеть свое время. Все равно я никуда уезжать из Тарасова не собираюсь, планов у меня никаких нет, а лето скоро закончится, поэтому для отпуска на лазурном морском берегу подожду следующего года. И уж тогда оттянусь по полной!

Навигатор проложил мне наиболее короткий маршрут, и я выехала на широкую трассу. К счастью, заторов и впрямь не было – небольшая пробка образовалась возле улицы Лунной, и то по той простой причине, что какой-то идиот слишком разогнался и вписался в выезжающий грузовик. Авария оказалась небольшой, однако движение затормозилось, поэтому я минут десять еле-еле ползла, дожидаясь окончания пробки. Зато после движение ускорилось, поэтому до нужной улицы я доехала за какие-то полчаса.

Завьяловский район производил весьма унылое впечатление. Почти все здания были низкие, максимум – пять этажей, школа, возле которой требовалось свернуть с главной улицы, выглядела мрачной и тоскливой. Кое-где встречались универмаги с кричащими вывесками, но смотрелись они карикатурно и нелепо. Возле магазинов старые бабки торговали яблоками из собственного сада и пучками зелени, дополняя нерадостный колорит местности. Я всегда поражаюсь тому, насколько Тарасов разнообразный город. Где-то буквально теснятся дорогие бутики, рестораны и кофейни, а где-то царит настоящая разруха и запустение. Нет бы правительству привести в порядок весь город, а не заниматься благоустройством его отдельных частей! Ведь Завьяловский район не так далеко от центра, почему бы не обустроить здесь территорию? Увы, вряд ли я дожусь того, что кто-нибудь возьмется приводить мой родной город в порядок.

Дом, в котором проживала Анна Климова, я нашла без всяких приключений. Обычная дряхлая пятиэтажка, рядом с которой располагался универмаг «Все для дома». Чуть поодаль

маячил продуктовый магазин, поэтому я пришла к выводу, что расположение дома моей клиентки достаточно выгодное – все под боком. Вроде как она говорила, что живет на первом этаже... Почему-то я была уверена, что лифт в доме отсутствует, и мои предположения подтвердились. Зато радовало наличие домофона – уже что-то позитивное в этих трущобах.

Анна открыла дверь сразу же, как будто сидела возле двери, ожидая моего визита. Может, я и права – вдруг несчастная женщина настолько извелась, что не может ничего делать, кроме как с надеждой ждать помощи в лице частного детектива Татьяны Ивановой. Нет, я из кожи вылезу, а найду ее дочь – слишком мне жалко бедную женщину, хотя сентиментальные чувства я испытываю редко.

На первом этаже находились три квартиры, дверь первой была открыта. На пороге стояла невысокая, худенькая женщина лет сорока семи – пятидесяти. Выглядела она усталой и изможденной – под глазами залегли темные круги, лицо осунулось и хранило на себе следы недавних слез. Ее волосы были забраны в небрежный низкий хвост, из которого выбивались отдельные пряди, падавшие на лицо. Одета Анна Климова (а это была именно она) была в домашние синие джинсы и светло-бежевую футболку, которая висела на ней, как на вешалке. Вид женщины производила такой же унылый, как и район города, в котором она проживала. Но, увидев меня, она попыталась улыбнуться, глаза ее стали не такими безжизненными, как раньше.

– Татьяна... Татьяна Александровна, верно? – спросила она, делая рукой радушный жест гостеприимства. Я кивнула.

– А вы – Анна... простите, вы ведь не назвали свое отчество. Как-то неловко звать вас по имени...

– Меня Анна Кирилловна зовут, – сообщила мне моя клиентка. – Но лучше, если вы меня будете звать Анной. Без отчества. Так, думаю, будет проще.

Она предложила мне войти в квартиру, и я проследовала за ней. Апартаменты, где проживала женщина, казались миниатюрными, едва ли не игрушечными – крохотный коридор, узкая прихожая. Хотя Анна и сказала, что у нее дома беспорядок, ничего подобного я не заметила – напротив, полы в прихожей выглядели чистыми, как будто их только сегодня вымыли, вся верхняя одежда аккуратно развешана на вешалках, обувь поставлена на тумбочку. Интересно, если это – бардак, то что же в понимании хозяйки квартиры – порядок? Девственно стерильная чистота и минимализм?

– Пройдемте на кухню, – предложила Анна. – Я чайник поставлю, вы, наверно... да, чайник. Вы ведь...

Она замешкалась, с трудом подбирая слова. Да, с речью у нее явные проблемы, или это от нервного потрясения. Я пришла на помощь женщине и бодро проговорила:

– Да, от чая или кофе я не откажусь. Кофе могу пить в огромных количествах, что поде-лаешь.

– Да, у меня есть кофе, – кивнула Анна. – Я его тоже люблю, чай пью только вечером. С медом, чтобы уснуть... А кофе перед работой, скоро уже учебный год начнется...

– Вы работаете преподавателем? – догадалась я. Женщина кивнула.

– Веду русский язык и литературу, – сообщила она.

Про себя я удивилась – надо же, а я решила, что с речью у нее явные проблемы. Насколько ошибочным бывает первое впечатление!

– Даже не знаю, как я работать буду... – вздохнула Анна. – Если Жанна не найдется, я... я не смогу преподавать детям. Я вообще ничего не смогу. Сейчас не могу заставить себя что-то делать, хотя надо все... А я как... как растение какое-то. Только сижу на стуле и плачу, не знаю, как Жанну вернуть...

– Успокойтесь, сейчас вы мне все расскажете, и я что-нибудь придумаю! – пообещала я женщине. – Пройдемте на кухню, раз там удобнее всего разговаривать.

Кухня соответствовала коридору и прихожей – миниатюрная. И как там только поместились длинный стол, плита, раковина и тумбочка с микроволновкой?! Возле стола – два табурета, указывающих на то, что квартира предназначена для двух человек. Может, для гостей – если таковые приходили в дом Климовых – и находили еще стулья, но мне показалось, что Анна и ее дочь не слишком часто устраивают дружеские посиделки. Я бывала в разных домах и квартирах, поэтому глаз на такие вещи у меня наметан. Сразу могу определить, кто из хозяев предпочитает дружные, веселые застолья, а кто сторонится людей и комфортно чувствует себя в одиночестве. Судя по всему, Анна принадлежала ко второму типу людей.

Женщина включила газовую горелку, поставила чайник. Электрического я в кухне не увидела – следовательно, пользуются в квартире исключительно обычным, воду кипятят на газу.

Анна достала из кухонного шкафчика две чашки и чайные ложечки, выставила на стол банку кофе.

– У меня есть печенье, – сообщила женщина. – Будете?

Я решила не отказываться и позволить Анне проявить гостеприимство и хозяйственность. Та бодро выставила на стол вазочку с обычными крекерами, суетливо что-то принялась искать в шкафу. Я подумала, что эти хлопоты женщине только на пользу – пускай отвлечется от своих переживаний, хотя бы на такие банальные действия, как нехитрая сервировка стола. Могу поспорить, после исчезновения дочери она вряд ли выходила в магазин – а судя по внешнему виду Анны, скорее всего, она несколько дней жила впроголодь. Некоторые люди – и таких большинство – заедают стресс, а есть и такие, кто от переживания кусок в рот засунуть не может. Исходя из собственного жизненного опыта, могу сказать: переживания странным образом воздействуют на человека. Куда естественнее, когда от нервного срыва человек без устали поглощает все подряд, таким образом справляясь с потрясением. Однако Анна Климова относилась к тому меньшинству людей, которые от свалившегося несчастья теряют аппетит.

Чайник закипел, хозяйка налила кипятка в чашки. Оказывается, мы кладем одинаковое количество ложек кофе. Правда, дополнением к бодрящему напитку мне служат сигареты, а не печенье. Анна же, как я поняла, не курит – пепельниц в кухне не было, поэтому я решила не смущать женщину и от сигарет воздержалась. Взяла себе печенье, Анна тоже последовала моему примеру.

Я решила, что пора переходить к делу. Сделав глоток кофе, произнесла:

– Насколько я поняла из телефонного разговора, у вас пропала дочь. Жанна, так ее зовут?

– Да, все верно, – кивнула женщина. – Вы сможете ее найти? Я не хочу обращаться в полицию...

– Почему? – поинтересовалась я.

– Просто... Просто я боюсь, что, если в ее университете узнают об этом, дело получит огласку, и Жанна не сможет получить красный диплом. А девочка очень старательная, она все сессии сдавала на отлично. За исключением последней. Не знаю, что произошло, но внезапно моя дочь сильно изменилась. Я поначалу значения этому не придавала – просто она стала задумчивой, неразговорчивой, все молчала. Как-то я пыталась узнать, может, проблемы по учебе, но Жанна ничего мне не рассказывала. Я и сама не слишком разговорчивый человек, но Жанна не такая. Она всегда была общительной девочкой, хотя в школе у нее не было друзей. Но это потому, что дети сейчас жестокие и эгоистичные, а Жанну не любили в школе из-за того, что она училась на отлично. Зависть, что тут скажешь... Но у нее была подруга детства – Наташа, с которой дочка дружила с третьего класса. Очень хорошая дружба была, жаль, что закончилась...

– А почему закончилась? – спросила я.

Анна пожала плечами.

– Девочки выросли, разные интересы появились, – сказала она. – Наташа замуж рано вышла, а Жанна все одна была. Мне кажется, все-таки у дочери появился молодой человек, но у них странные отношения были. Я в их роман не лезла – дочь толком не делилась со мной своими переживаниями, но парень ее, бойфренд, как это сейчас называют, странный был. Какой-то угрюмый, замкнутый, неприветливый. Я видела его как-то у нас дома, он в гости заходил, книги Жанне приносил почитать. Высокий, худой, в черном весь... Прямо вампир из фильма ужасов, как будто не кормят его. Со мной поздоровался коротко, и все. В общем, не знаю, конечно, но не такого друга я бы дочери хотела. Но ведь это их дело, зачем я вмешиваться буду? Больше-то я его у нас не видела, то ли расстались они, то ли просто не общались. А может, где-то в другом месте встречались...

– И вы не спрашивали у Жанны хотя бы, где и как они познакомились? – удивилась я. – Как хоть его зовут-то?

– Антон его зовут, – пояснила Анна. – Жанна коротко сказала, что они в университете познакомились. Но какие их отношения связывали – об этом она ничего не говорила. Я было ее на откровенность хотела вытащить, но она замкнулась в себе, и все тут. Вроде как книгами они обмениваются, и все. Я не хотела давить на дочь – решила, придет время, она сама мне расскажет. Да вот не дождалась. Хотя лучше этот Антон, чем подружка ее новая...

– Что за подружка? – поинтересовалась я. – Расскажите об этом поподробнее.

– Они сравнительно недавно сдружились. – Анна поджала губы, и по этому движению я поняла, что новую знакомую своей дочери она не слишком жалует. – Зимой, точнее. Вот не поверите, а эту подружку тоже Наташей зовут, но в отличие от той, с которой Жанна в детстве дружила, эта девица вообще мне доверия не внушала. Внешность, мягко сказать, странная – несуразная такая. Рост высокий, фигура непонятная, а одевается... вообще молчу... Какие-то гольфы полосатые, юбки клетчатые, корсеты на шнуровке. Колготки кислотного цвета, вся яркая, как... даже не знаю, как что. И – представляете, курящая! Причем курит она не сигареты, а трубку, как мужик какой-то... Ужас, в общем.

– А кроме внешности и курения, что в ней такого было отталкивающего? – спросила я. Анна снова пожала плечами.

– Мне кажется, Наташа эта дурно повлияла на Жанну, – заметила она. – Со времени этого знакомства дочь на себя перестала быть похожей. Уж не знаю, что за интересы были у них общие, но Жанна стала сперва поздно возвращаться домой, якобы с этой Наташей она к лекциям готовилась. Ну да, как же, поверила я... Дочь учиться стала хуже, хотя раньше ей в университете было интересно. Она факультет выбрала религиоведения и философии и с удовольствием ходила всегда на лекции. Жанна ведь четвертый курс в этом году закончила, год осталось учиться... Только эту сессию она сдала на четверки, хотя раньше только на отлично экзамены сдавала. А все из-за Наташки этой! Весной Жанна вообще перестала дома бывать – все говорила мне, что Наташа помогает ей готовиться к семинарам. Да я бы в жизни не поверила, что эта чудаковатая девица соображает лучше, чем моя дочь! Жанна ведь такая способная, такая талантливая... Она иностранных языков три штуки знает – английский, французский и испанский, наизусть сложные стихотворения рассказывает... А у этой Наташки только понятно что на уме. Она ведь, насколько я поняла, девка гуляющая, то с одним, то с другим романы крутит. Я пыталась Жанне сказать, что Наташа – человек не ее круга, а дочь все в штыхы воспринимала. Заявила, что сама себе друзей выбирает, и всячески эту Наташу превозносила...

– Выходит, Жанна, начиная с весны, не ночевала дома? – уточнила я.

Анна сделала неопределенный жест рукой.

– Раза два в неделю она появлялась, – со вздохом проговорила женщина. – Вроде как про мать вспоминала. Хотя какое там... Знаете, что я недавно нашла в комнате дочери?

Я отрицательно покачала головой. Анна встала с табурета и вышла в коридор. Спустя две-три минуты вернулась с большим пакетом в руках.

– Полюбуйтесь! – с отчаянием в голосе произнесла она. – Жанна ведь прятала этот пакет... Уму непостижимо!

Заинтригованная, я оглядела содержимое пакета. Внутри лежали пустые банки из-под дешевых алкогольных коктейлей – адское пойло, не вино и даже не пиво, а непонятная смесь с этанолом. Я бы в жизни такое пить не стала – зачем травиться всякой химией?

– В шкафу нашла, – пояснила Анна. – Когда дочь пропала, я ее комнату обыскала – вдруг найду какую-нибудь зацепку. Открыла шкаф – и тут это. Я до сих пор в шоке. Моя дочь – и алкоголь? Да она в жизни даже шампанского по праздникам не пила! А тут целая куча этих банок, кошмар какой-то!

– Да уж, напитки эти качественными назвать нельзя, – согласилась я. – Выходит, Жанна пила дома в одиночестве? И вы ничего не замечали? Ведь когда человек находится в состоянии алкогольного опьянения, это сразу заметно.

– Жанна вечером записалась у себя в комнате, говорила, что спать ложится, – вспомнила Анна. – Я ее не беспокоила, а она, скорее всего, как раз и пила это пойло. Скрывала от меня, я ведь негативно отношусь к спиртным напиткам. Все старалась, чтобы моя девочка никогда не связывалась ни с алкоголем, ни с наркотиками. Боюсь, из-за этой Наташки она и курить начала, я не раз замечала, что от ее вещей табаком воняет. Она ведь говорила мне, что в университете одноклассники курят, потому и запах от нее такой. А что я могла сделать? Проповеди ей читать про вред курения? Про рак легких рассказывать? Да Жанна не в таком возрасте, когда все это напугать может. Ведь как люди думают – все болезни могут настичь кого угодно, только не их. Рак легких – с кем-то случается, но не со мной. Так и Жанна, наверно, думала. Я дочь не осуждаю – осуждаю Наташку эту, потому что из-за нее все. То Жанна мне говорила, что девка эта к лекциям готовиться помогает, потом начала рассказывать, что неудобно ей до университета из Завьяловского района добираться. Вроде как Наташа близко к центру живет, потому Жанна у нее «вписывается», как это называется сейчас. Время якобы экономит... Ох, да масса отговорок была! Я как-то не выдержала, сказала, что запрещаю Жанне ночевать не дома. Так что вы думаете? Дочь устроила скандал с истерикой, а потом выбежала из квартиры и весь день на мои звонки не отвечала. Только утром написала мне смс-сообщение – мол, я сама виновата, если буду ей условия свои диктовать, она вообще дома появляться не будет. Это меня напугало, и я больше не поднимала эту тему.

– Понятно... – протянула я. – Скажите, ваша дочь когда пропала? Насколько я могу судить, она подолгу дома не появлялась, почему вы начали бить тревогу? Может, она и сейчас у подружки своей живет? Как я понимаю, после сессии ничего не изменилось, она по-прежнему не приходила ночевать домой?

– Все верно, – со вздохом кивнула Анна. – Но после того скандала мы с Жанной договорились, что я не буду ей запрещать бывать у подружки, только попросила об одном – чтобы дочь мне звонила или писала, хотя бы два раза в день. Утром и вечером, что с ней все в порядке. Несмотря на все, я ведь люблю Жанну и переживаю за нее. Да, она поступала эгоистично, но что я могла сделать? Рано или поздно дети вырастают, покидают родителей. У Жанны не было тяжелого подросткового возраста, на который часто жалуются. Нет, когда все ее одноклассницы начали курить, ругаться матом и игнорировать родителей, моя Жанна старательно училась и ходила к репетиторам. Я ведь тогда нарадоваться не могла, что у меня такая замечательная дочка. Ни вредных привычек, ни грубостей по отношению ко мне... Наоборот, Жанна всегда старалась сделать все возможное, только бы я гордилась ею. Училась, выступала на олимпиадах, дома порядок поддерживала... Даже готовить сама научилась – я приду, бывает, вечером с работы, а она уже ужин сделала. И это – несмотря на обилие домашних заданий! И в квартире чистоту наведет, все только бы меня порадовать. Мы с ней вместе в театры ходили постоянно...

И не на какие-то пьесы современные, а на оперу, балет, и дочери очень нравились постановки. Она была очень культурно развитым ребенком, тонко чувствовала искусство, любила посещать музеи... А вот сейчас такое случилось. Я решила, что это запоздалый подростковый период у Жанны начался. Наверняка такое бывает – если ребенок в детстве не доставляет проблем, то это начинается в более позднем возрасте. Все надеялась, что пройдет, переберется дочка и успокоится, и все как раньше будет. Уже рукой махнула, не доставала ее своими вопросами и нотациями. Жива, здорова, присылает эсэмэски – уже замечательно. А вот несколько дней подряд – с субботы – я до нее дозвониться не могу. Утром Жанна мне эсэмэс прислала – как обычно, написала «мама, все хорошо», а на мой вопрос – придет ли она домой, – мне не ответила. Я решила позвонить ей вечером, в шесть часов. Но дозвониться не смогла – телефон был вне зоны доступа сети. Обычно ведь приходит эсэмэс-сообщение, что абонент появился в сети, но я прождала весь вечер, а эсэмэска так и не пришла. Утром, с пяти часов, я названивала Жанне, но результат был такой же – «абонент вне зоны доступа». Наверно, за вчерашний день я вся поседела – до дочери дозвониться не могу, телефона этой Наташи у меня нет, и адреса ее не знаю. Единственное, что Жанна мне говорила, – так это, что живет она в центре где-то, со своим парнем. Но я ведь и фамилии этой Наташи не знаю, вот в чем беда! Нашла вот пакет этот злосчастный с пустыми банками, еще хуже мне стало. Через знакомую и вышла на вас – вроде как вы помогли когда-то ее мужу, у которого была украдена фамильная ценность. Знакомая эта, Лидия, рекомендовала мне вас как человека, который запросто решает любые проблемы криминального характера. В полицию я не стала обращаться, чтобы дочери не навредить. Ведь если кто в университете узнает, что Жанна в чем-то замешана, проблем не оберешься. А учитывая эту страшную находку, я уже боюсь, что дочка могла с преступной компанией связаться, или еще что. Умоляю вас, найдите ее и, если будет возможно, не придавайте дело огласке. Жанна по глупости своей могла дров наломать и этим испортить себе все будущее. Сами понимаете, последний курс университета, потом ей придется работу искать. А если она замешана в каких-то непонятных делах и потому исчезла – я боюсь думать о худшем, – то с трудоустройством возникнут проблемы. Она ведь жива, правда? Может, у нее просто потерялся мобильный и потому она не отвечает? Да, такое ведь легко могло случиться, правда? Правда ведь, она просто мобильный потеряла?

Анна смотрела на меня каким-то безумным, сумасшедшим взглядом. Если б я сейчас возразила женщине, та бы попросту не услышала меня. Она вбила себе в голову некую идею, которая показалась ей спасительной соломинкой для утопающего. Ладно, про себя я решила, что лучше пусть верит, будто Жанна нечаянно оставила где-то телефон и он разрядился. В конце концов, переживания и сетования Анны только мешают мне в расследовании, куда лучше мыслить здраво и трезво. Поэтому я ничего не стала возражать, а спросила:

– Скажите, вы в вещах дочери не находили никакую записную книжку или что-то подобное? Я хотела бы нанести визит ее подруге, Наташе, и мне необходимы ее координаты.

– Записная книжка? – медленно повторила Анна. – Вряд ли. Сейчас ведь все в мобильных телефонах есть – и список контактов, и журналы вызовов, и Интернет... Кто в наши дни использует ежедневники? Разве что старенькие бабушки, которые к телефонам не могут привыкнуть. Даже у меня нет записной книжки. На День учителя ученики подарили мне «ежедневник классного руководителя», но я им не пользуюсь. Есть ведь классный журнал, а в ежедневник что записывать?

– И у Жанны был мобильный телефон с выходом в Интернет? – со вздохом уточнила я. Но, к моей радости, мать пропавшей девушки отрицательно покачала головой:

– Нет, не так. Конечно, в телефоне был мобильный Интернет, но Жанна им не пользовалась. Она ведь привыкла к клавиатуре и терпеть не могла сенсорный экран. Если надо было написать эсэмэс-сообщение, она ограничивалась короткой фразой, и только. Когда дочь сдала вступительные экзамены в университет, я сделала ей подарок – подарила хороший ноутбук,

хотя с зарплатой учителя подобные вещи весьма не просто приобрести. Но ничего – я ведь знаю, в наше время студенту без компьютера с Интернетом никуда. В библиотеки уже не ходят, курсовые да рефераты пишут на компьютере, информацию ищут в глобальной сети. Жанна все три года обучения использовала ноутбук только для учебы – она и к семинарам при помощи него готовилась, и курсовые на нем делала. Даже в социальной сети она зарегистрировалась по необходимости – ей нужны были фотографии конспектов. Жанны тогда не было в университете неделю. Мы с ней уезжали из города на дачу, а материал под запись диктовали. Поэтому Жанне пришлось регистрироваться в социальной сети этой, чтобы ей фото конспектов переслали. Но, насколько я знаю, для общения дочка компьютер не использовала, только для работы, точнее, для учебы.

– Ах, вот как! – Мой голос против моей воли прозвучал весьма ободренно. Анна недоуменно посмотрела на меня.

– А что странного в том, что Жанна пользовалась ноутбуком? – непонимающе спросила она. – Это что, противозаконно?

– Нет, что вы! – поспешила я разъяснить женщине свое воодушевление. – Жанна не забирала ноутбук с собой, когда уходила ночевать к подружке?

– Нет, конечно! Зачем ей таскать тяжелый ноутбук, у Наташи наверняка компьютер дома есть! Если не два, раз она с парнем живет.

– А можно взглянуть на компьютер Жанны? – любопытствовала я. – Думаю, только так возможно установить, что за Наташа является ее близкой подругой.

– Да, естественно! – кивнула Анна. – Все что угодно, только найдите Жанну! Правда, боюсь, что, кроме информации по учебе и электронных книг по истории религий, вы там ничего не найдете.

Ну-ну, про себя я подумала, что Анна Климова все-таки не столь разбирается в современных увлечениях. Уверена, у Жанны в ноутбуке я увижу массу всего интересного, о чем ее несчастная мать даже не подозревает.

Глава 2

Комната дочери Анны Климовой оказалась примерно такого же размера, как и кухня. Женщина пояснила, что они в этой квартире проживают давно, переехали сюда еще до рождения Жанны вместе с матерью Анны.

– Жанна никогда отца не видела, – рассказывала Анна. – Воспитывали ее мы с моей мамой, Жанниной бабушкой. Когда дочка маленькой была, мы с ней в одной комнате спали, а бабушка – в отдельной. Жанна только когда ребенком была, меня спрашивала, почему у нее папы нет, а у всех есть. Я ей врать не стала – сказала, что у папы другая семья. Конечно, многие матери-одиночки говорят своим детям, что папа – летчик, моряк или космонавт, защищает родину, исследует дальние страны, спасает галактику... Нет, я для себя решила, что незачем давать ребенку ложную надежду – если б я сказала подобное, Жанна бы надеялась встретить отца, верила бы в то, что он герой, а не простой бабник, который решил поразвлечься с молодой наивной дурочкой, а потом бросил ее и ушел к своей законной жене.

– Отец Жанны был женатым человеком, когда вы с ним познакомились? – поняла я.

Анна кивнула.

– Да, у него на момент нашей первой встречи имелась и супруга, и двухлетний ребенок, – вздохнула она. – Ну а я искренне верила, что красивый статный мужчина, который так волшебным образом за мной ухаживает, дарит цветы и шоколадные конфеты, – настоящий принц из сказки. Скоро он сделает мне предложение, мы поженимся и будем жить долго и счастливо. Предложение он мне сделал, но не такое, какое я ждала. И все же я согласилась, думала, это настоящая любовь... Помню, как радовалась, когда узнала, что беременна. Тут же полетела сообщить своему принцу, что у нас будет ребенок, предвкушала, как он подхватит меня на руки и скажет: «Любимая, будь моей женой навеки». Даже рассказывать стыдно о том, какая я была глупая и наивная. История стара как мир – меня утешает лишь то, что подобное случается сплошь и рядом. Мне ведь тогда только восемнадцать исполнилось, возраст глупостей и обманутой надежд...

– То есть вам сейчас примерно тридцать девять лет? – сосчитала я в уме. Если Жанна закончила четвертый курс, то ей около двадцати. А Анне, выходит, нет и сорока?

– Да, в июне исполнилось, – кивнула женщина. Я про себя подумала, что горе резко состарило ее. Я-то думала, что женщине около пятидесяти, а на самом деле ошиблась на целый десяток.

– Как я понимаю, когда вы сказали о том, что беременны, отец Жанны признался, что он женат? – проговорила я.

Анна снова утвердительно кивнула:

– Да, так все и было. Предложил дать денег на аборт, но я отказалась. Мама меня поняла и сказала, что поможет воспитывать ребенка. Она не ругала меня, несмотря на то что была весьма строгой и властной женщиной. Так и получилось – я родила Жанну, и мы с мамой старались вырастить ее хорошим, достойным человеком. Когда бабушка Жанны умерла, мы с дочерью остались одни. И я, и Жанна тяжело переживали утрату, но у меня была дочь, а у нее – я. Мы жили, несмотря на горе, счастливо. Я не думала, что когда-то все закончится, и когда этот момент настал, я не была готова...

Я оглядела комнату Жанны. Обставлена довольно просто, хотя и со вкусом. Книжный шкаф, большой комод для одежды и письменный стол, кровать застелена чистым зеленым покрывалом, на столе – чистый, словно купленный недавно ноутбук. Видимо, Жанна тщательно следила за состоянием своего рабочего инструмента, пыль протирала, не ставила рядом чашек с кофе или чаем, которые можно было бы разлить на клавиатуру. На левом краю стола в стопку лежали общие тетради – видимо, для учебы, тут же находилась карандашница для пись-

менных принадлежностей. Судя по обстановке комнаты, Жанна либо была очень аккуратным, если не сказать щепетильным к чистоте человеком, либо... либо она просто здесь не жила, и порядок в комнате нарушать было некому.

– Разрешите осмотреть комнату вашей дочери? – решила я спросить позволения хозяйки квартиры.

Та кивнула:

– Да, конечно. Вы же делаете все возможное для поиска Жанны, поэтому имеете полное право смотреть ее личные вещи. Может, я что пропустила – вдруг она записала где-то какую-то важную информацию?

Первым делом я просмотрела все тетради девушки. Почерк везде был одинаковый – четкий, излишне прямой, буквы походили на печатные. Значит, Жанна по своей натуре была весьма уравновешенным человеком. Правда, нельзя сказать, что буквы были нормального размера – нет, они казались слишком мелкими, к тому же к концу строчки символы как бы немного «падали» вниз. Не стану заявлять, что я эксперт в области графологии, однако беглый анализ тетрадей Жанны показал мне, что девушка, скорее всего, по натуре пессимист, к тому же человек скромный и неагрессивный, поддающийся чужому влиянию. В принципе, рассказу ее матери мои заключения вполне соответствовали – скорее всего, на Жанну некто оказал влияние, из-за чего она переменялась и перестала себя вести так, как ожидала Анна. Вот если бы девушка имела свои стойкие убеждения, если бы у нее были сбалансированы все эмоции и она знала бы во всем меру – вряд ли на нее кто-то смог бы воздействовать подобным образом, заставив полностью изменить поведение.

Ладно, предположим, на Жанну повлияла эта Наташа. Только пока мне ничего не известно об этой девушке, кроме того, что она странно одевается и имеет высокий рост и нескладную фигуру. Но где искать Наташу, неизвестно. Остается лишь залезть в ноутбук Жанны и попробовать найти там ответ на мой вопрос.

С этой целью я открыла крышку устройства, нажала на кнопку включения. Загорелся ярко-синий огонек, на экране появилась заставка. Ноутбук работал быстро и бесшумно, стало быть, Анна неплохо разбирается в такой технике. А может, у нее неплохая интуиция и женщина выбрала хорошую модель портативного переносного компьютера? Хотя возможно, кто-то посоветовал ей купить именно этот ноутбук. Она ведь подарила дочери машину четыре года назад, а по тем временам данная модель была весьма неплохой. Для компьютерных игр, конечно, ноут слабоват, хотя процессор имеет высокий уровень производительности. Я хорошо знаю ноутбуки того года, вроде у этого должен иметься вместительный жесткий диск достаточно оперативной памяти...

– Вы сами выбрали ноутбук для Жанны? – поинтересовалась я у Анны.

– Мне помогал сын моей коллеги, – пояснила та. – Я не слишком хорошо разбираюсь в компьютерах, но у той женщины весьма продвинутый сын, который сейчас уже окончил университет. Он меня долго расспрашивал, как Жанна будет использовать компьютер, станет ли играть в игры, фильмы смотреть и музыку слушать. Я предполагала, что дочь будет искать информацию через Интернет и писать работы по предметам, ну, может быть, фильмы посмотрит, что маловероятно. Она этим не увлекается, предпочитает книги читать. Вот мы вместе в магазине ноутбук выбирали, он мне про разные модели рассказывал, но я мало что понимала. Все эти процессоры, материнские платы, разъемы... В конце концов я попросила его самому выбрать подходящий ноутбук, учитывая мои пожелания. Он остановился на этом, но предупредил, что, если Жанна надумает установить какую-нибудь игру, не все подойдут. Благо это меня не волновало – Жанна никогда не играла ни в какие видеоигры, и вообще, она к этим развлечениям страсти не испытывает.

– Ясно... – Я перевела взгляд на экран монитора, где радостно засияла табличка приветствия с просьбой ввести пароль. Я вновь посмотрела на Анну.

– Вы знаете пароль на ноутбуке? – спросила я женщину. Та кивнула:

– Конечно. Мы ведь его вместе придумывали. Пароль – Камелия. Так звали единственную собаку Жанны, которая у нас жила. Дочке тогда семь лет было, моя мама подобрала на улице бездомного щенка. Принесла домой пушистый комочек – мама всегда любила животных, правда, квартира не позволяет заводить больших собак. Жанне собачка так понравилась, что она сразу придумала ей имя – Камелия. Собачку кто-то потерял или выбросил, она была в ошейнике. Значит, животное кому-то принадлежало, вот мы и решили объявления расклеить, вдруг кто и правда потерял щенка и сейчас сильно переживает. Жанна просила не делать этого, она умоляла оставить собачку, потому что та ей очень понравилась. Но я настояла – ведь нечестно забирать животное, у которого могут быть хозяева. Но на объявления никто не откликнулся, и мы оставили собаку себе. Жанна, хоть и была маленькой, сама кормила Камелию и гуляла с ней – утром, до школы, и вечером, после уроков. К сожалению, собака прожила у нас всего лишь пять лет – как-то Жанна отпустила ее без поводка, Камелия была приручена и могла сама гулять. Но дочка всегда вместе с ней выходила на улицу, боялась ее выпускать одну. Жанна потом рассказывала мне, что Камелия спокойно бегала по тротуару, а дочке вдруг захотелось купить себе мороженое в киоске. Она буквально на минуту-другую отвлеклась – расплачивалась с продавцом – и внезапно услышала визг тормозов и собачий вой. Жанна бросилась к дороге, рядом с тротуаром была проезжая часть, – но, увы, было уже поздно. Камелия, наверно, заинтересовавшаяся чем-то на другой стороне улицы, выбежала на дорогу, а водитель машины не справился с управлением. Увы, Камелию спасти не удалось – собачка умерла, мы даже не успели привезти ее в ветеринарную клинику... Жанна тогда две недели рыдала, все себя винила в трагедии. Говорила, что, если б она не пошла покупать мороженое, беды бы не произошло. Что надо было пристегнуть собаку к поводку и только потом покупать что-то в киоске. В общем, наши с мамой уговоры не действовали, мне кажется, Жанна до сих пор винит себя в смерти своей любимицы. Я с ней об этом не заговаривала, но, когда я подарила дочери ноутбук, она в качестве пароля выбрала кличку своей единственной собаки. Больше животных мы никогда не заводили...

– Печальная история, – проговорила я. – Что ж, надеюсь, Жанна не меняла пароль на ноутбуке...

– Да зачем ей это надо? – удивилась Анна. – Я ведь компьютерами не пользуюсь, у нас в школе обещали составить электронные библиотеки и перевести документацию на компьютеры, но пока, к счастью, не сделали этого. Я никогда не включала дочкин ноутбук, хотя, помню, Жанна сама предлагала научить меня пользоваться Интернетом. Несмотря на то что многие мои коллеги по работе превосходно работают на компьютере, общаются в социальных сетях, я как-то не горю желанием осваивать компьютер. Не мое это, так можно объяснить. Понимаю, что удобно, быстро, просто, но, если необходимость не заставит, за ноутбук я не сяду. Лично мне кажется, что общение в сетях – это суррогат какой-то. Написать ведь можно что угодно, людям кажется, что они дружат с кем-то в Интернете, а на самом деле в глаза друг друга не видели. Нет уж, дружба – это живое общение, а не такое.

– Бывает же, что друзья живут в разных городах или странах, – пожала я плечами. – И потом, неужели вам не требуется что-то в Интернете по работе? Ну или книги можно читать – куда удобнее скачать нужную вещь вместо того, чтобы покупать ее в магазине.

– То-то и оно, – вздохнула женщина. – Читаю я много и с удовольствием, одну книгу могу за пару вечеров проглотить. Но только если она бумажная. С экрана читать не могу – глаза болят, сидеть неудобно. В общем, компьютеры – это не для меня.

– Каждому свое, – пожала я плечами и ввела пароль. Слово «Камелия» подошло – Жанна и правда не меняла его, поэтому сразу же открылся рабочий стол с немногочисленными иконками. Похоже, дочь Анны придерживалась порядка во всем, включая и свой ноутбук. Даже я порой грешу тем, что захламляю свой компьютер многочисленными папками по работе – когда

у меня очередное расследование, я для удобства заново занесла всю информацию по делу в свой компьютер и частенько забываю удалить ненужную уже папку. В результате на рабочем столе скапливается невероятное количество уже неактуальных для меня документов, а лень-матушка всячески препятствует тому, чтобы я почистила наконец-то свой компьютер. У Жанны же на рабочем столе царил спартанский порядок – несколько стандартных иконок: «Мой компьютер», «Корзина», «Интернет», и только пара личных папок. Одна из них называлась «Лекции», а другая оставалась без названия. Просто – «Новая папка», и все. Первым делом я открыла «Лекции» и бегло просмотрела текстовые файлы. Сплошные названия учебных предметов – «Культурология», «Философия», «История религий», «Всеобщая история» и тому подобное. Я щелкнула мышкой по первому попавшемуся документу с названием «Философия». Ничего интересного, кроме выдержек из книг и учебников, там не было. Однако я методично просмотрела все документы по учебе, ведь никогда не скажешь наверняка, есть ли что-то полезное для меня в данной папке, пока не рассмотришь целиком все имеющееся в ней. Закончив осмотр учебных файлов, я закрыла папку, навела курсор на папку без названия и открыла ее.

Внутри папки находились еще две – одна с названием «Музыка», другая красноречиво звалась «Всякое разное». Самое интересное оставим на потом, подумала я про себя и открыла «Музыку». Ого, похоже, Жанна была настоящим меломаном – я имела возможность лицезреть огромное количество папок-альбомов разных групп. Многие названия были мне даже незнакомы. Интересас ради я ткнула в первую попавшуюся папку с названием «Fleug» и нажала на воспроизведение песни «Жертва». Она была первой в списке, и содержание текста, мягко говоря, изрядно удивляло. «Сломай мою руку, ударь об косяк» – это что, садомазохизм какой-то?

– Жанна это слушала? – Я удивленно посмотрела на Анну. Женщина тоже казалась потрясенной текстом депрессивной, агрессивной композиции. Мы прослушали припев со словами «Моя кровь – клюквенный мусс, мне не холодно, я не боюсь», после чего мать Жанны проговорила:

– Я слышала из комнаты дочери эту мелодию, но слов не разбирала, – призналась она. – Ну и песня... Как такое вообще можно придумать? Кошмар...

– И часто Жанна ее слушала? – поинтересовалась я.

Анна пожала плечами.

– Точно сказать не могу, – с сомнением произнесла женщина. – Я не очень вслушивалась в музыку дочери. Жанна говорила, что ей музыку советовал Антон, это единственное, что я о нем знаю. Помимо того что они книгами обменивались. Вроде как он в музыке разбирался, но если это он посоветовал ей такие песни слушать, то я сильно в этом сомневаюсь.

Я остановила воспроизведение жуткой песни, закрыла альбом. Потом нажала на другую папку, название группы тоже было написано латинскими буквами. «Evanescence» – переводится как «Исчезающие», или нечто подобное. Лет десять назад название было у всех на слуху, группа была мне знакома. Нечто напоминающее рок или металл, с женским вокалом. Некоторые песни их были весьма мелодичными, однако все они носили депрессивный характер. Видимо, Жанне нравилось слушать нечто печальное, раз она подобрала себе такой плей-лист. Еще одна галочка в список черт, характеризующих пропавшую девушку.

– Жанна еще в школе слушала эту группу, – проговорила Анна. – Помню, мы вместе с ней диски покупали. Наташа, которая подруга ее давняя, она ведь музыкальную школу окончила, и когда девочки дружили, Наташа подсаживала Жанну на ту или иную группу. Они вместе и на концерт ходили – сама Жанна вряд ли бы выбралась на такое мероприятие, у нас и с деньгами не очень хорошо было. Но я сама уговаривала дочку сходить на концерт с Наташей. Мне ведь ее подруга очень нравилась – они даже похожи были. Обе отличницы, обе музыку любили, да и искусство тоже. Не то что эта, вторая Наталья. Сомневаюсь, что она хоть в чем-то разбирается.

– Но слушали Жанна с прежней Натальей отнюдь не классику, – заметила я. – Вас это не смущало?

– Да нет, почему меня это должно смущать? – удивилась Анна. – В молодости мы сами что только не слушали. В одно время популярна одна музыка, в другое – другая. Грустные вещи, что скажешь, но мелодия-то красивая. Я не считала нужным запрещать Жанне слушать группы, которые ей нравились. Хотя ту песню, которую вы первой включили, я вообще не одобряю. Кошмар какой-то, как ее вообще разрешили выпустить...

– Разрешите, я скопирую альбомы Жанны? – спросила я, вытаскивая миниатюрную флешку, которую я всегда носила с собой. Анна кивнула. Я вставила устройство в разъем и задала команду копировать папки. Не хотелось сейчас тратить время на просмотр папок, хотя я сомневалась, что в музыке найду какие-то записи пропавшей девушки. Исчезнувшей... Совсем как название одной из ее любимых групп.

Когда процедура копирования была окончена, я открыла вторую папку с названием «Всякое разное». В папке находились фотографии. Я нажала первую, увидела на ней двух девушек: обе были стройные, в одинаковых черных футболках с надписью «Nightwish» – как я догадалась, еще одна любимая группа Жанны. Одна из девушек была черноволосой, другая – с ярко-розовыми волосами. Девушки улыбались, но, как мне показалось, улыбка у черноволосой была несколько неестественной. Девушка словно заставляла свои губы изогнуться в полуулыбке, тогда как глаза ее оставались серьезными. Вторая девушка выглядела куда искреннее, она явно умела выгодно позировать на фотографиях. Девушки стояли на фоне какого-то фонтана, но что это было за место, я не поняла.

– Вы знаете, кто это на фотографии? – спросила я Анну.

– Конечно, – кивнула та. – Вот эта (она показала на темненькую) – Жанна, а вторая девушка – ее подруга Наташа. Это они в Питере, после первого курса вместе ездили на концерт какой-то группы.

– Наташа – это первая подруга вашей дочери? – уточнила я. – Которая музыку ей советовала?

– Ну да, – снова подтвердила мать Жанны. – Они вместе эти футболки покупали. Чтобы носить одинаковые вещи.

– Странный цвет волос, – прокомментировала я, кивая на подругу Жанны.

Анна пожала плечами.

– Наташа, когда поступила в университет, часто экспериментировала с цветом волос и со стрижками, – пояснила она. – А Жанна почему-то красила волосы только в черный цвет. Мне он казался мрачным, но я не настаивала на том, чтобы дочь оставила свой цвет. А он ей куда больше шел – каштановый, с рыжинкой...

– Вот как... – Я нажала на следующую фотографию. Здесь были запечатлены те же девушки, только возле Казанского собора в Петербурге. Последующие пятьдесят или около того снимков были посвящены поездке Жанны с Наташей в Северную столицу, я просматривала их бегло, не разглядывая. Внешность Жанны я запомнила, поэтому детали их культурного времяпрепровождения меня мало интересовали.

Одна из фотографий изображала Жанну в компании с высоким молодым человеком. Оба выглядели весьма мрачно – на Жанне были надеты черная футболка, черные джинсы с цепью и браслет с шипами. Глаза девушки были густо обведены черным карандашом, а губы накрашены чересчур яркой красной помадой, создавая иллюзию, что они выпачканы кровью. Парень был весьма симпатичным, правда, казался излишне худым. Его лицо было довольно приятным, портило его лишь выражение – он выглядел высокомерно, создавалось впечатление, что этот молодой человек презирает всех вокруг. Так и хотелось сказать ему: «Будь проще, и люди к тебе потянутся».

– Вы знаете этого парня? – спросила я Анну. Та кивнула.

– Это и есть тот Антон, который Жанне книги давал и музыку, – пояснила она. – Это они, видимо, в университете. Вот не знаю почему, а не нравился он мне никогда. Мрачный тип.

– Согласна, – кивнула я. – Да и Жанна здесь выглядит весьма... весьма специфично.

– Да, было время, когда дочка одевалась во все черное, покупала себе украшения с шипами и клепками. Ну и красилась вызывающе. Я советовала ей выбрать макияж менее броский, но она заявляла, что так чувствует себя уверенно. Я не настаивала на своем, к тому же внешний вид – это единственная вещь, которая выбивалась из моего представления о порядочности, так сказать... Но поведение дочери было адекватным, помимо этих жутких раскрасок на лице она не занималась ничем предосудительным. К тому же в таком обличье она ходила не больше одного года, потом снова стала нормально одеваться и забросила косметику.

– Как я понимаю, увлечение неформальной субкультурой было у Жанны до этих странностей с ночевками у подруги? – догадалась я.

– Да, когда она на втором курсе училась, у нее это поветрие было. А когда она познакомилась со второй Наташкой, то стала одеваться, как та девица. Юбки всякие, корсеты... В общем, одно другого хуже. Наверно, лучше б она в черное одевалась да глаза себе красила, чем все эти безобразия... Наташка, поди, ее и на алкоголь подсадила – по ней видно, что пробы ставить негде. И ночевки эти...

– А не знаете, с Антоном Жанна в последнее время встречалась? – поинтересовалась я. – Она что-нибудь говорила вам?

Анна неопределенно пожала плечами.

– Мне кажется, они расстались, – наконец предположила женщина. – Когда дочка с этой девкой познакомилась, у нее другие какие-то увлечения появились. То она на танцы какие-то ходила, то ли ирландские, то ли шотландские, не помню точно. Наташка ее туда привела, да я и не против сначала была. Жанна дома тренировалась, все по комнате скакала. Там у них какие-то странные движения, прыжки в основном. Мне показалось, что это дико сложно, но Жанна была увлечена, все хотела танец выучить. Месяц она проходила, потом бросила, депрессия у нее началась. После еще что-то они делали, ерунду какую-то. Шарики теннисные в гольфы засовывали и крутили их. Пои, что ли, называется...

– Шарики в гольфах? – изумилась я. – А это еще зачем?

– Спросите что полегче! – хмыкнула мать Жанны. – Дочь говорила, что это тренировочные, а потом надо делать настоящие. Поджигать их, что ли, они собирались... Я сразу ей сказала: с огнем баловаться не позволю, нравится тебе дурью маяться, крути свои носки. Еще не хватало, чтобы Жанна начала экстримом заниматься, только через мой труп!

– А Жанна что на это сказала?

– Да ничего не сказала, буркнула что-то, и все. Я потом все пыталась вещи дочки прощупать, нет ли там чего огнеопасного. Но, как ни странно, даже зажигалки не нашла, хотя я говорила, от Жанны табаком пахло. Я ведь человек некурящий, сразу почуяла. Вот скажу, знаю, что вы курите, хотя сигарет у вас не видела. Не подумайте ничего такого, я к тому сказала, что некурящий человек табачный запах мигом учует. Кстати, если вы хотите покурить, можете выйти на лестничную площадку – там соседи обычно дымят. Балкона, увы, у нас нет, а мне плохо от запаха сигарет становится, если кто поблизости курит.

– Нет-нет, что вы, – поспешила сказать я. – Что курю, это правда, вы верно заметили. Но при клиентах я не дымлю, не подумайте.

– Вы только не обижайтесь, – извиняющимся голосом произнесла Анна. – Я ни в коем разе не осуждаю курящих людей, просто свойство организма у меня такое. А то решите, что я подумала про вас плохое... К слову заметила, ничего дурного не имела в виду.

– Я не обижаюсь, – прервала я поток извинений. – Надеюсь, от меня не сильно пахнет? Увы, запах табака въедается сильно, сколько вещи ни стирай, все равно остается.

Мы закончили китайские церемонии и обмен извинениями по поводу сигарет, и я продолжила просмотр фотографий. Ничего интересного больше в папке не оказалось – Жанна не фотографировалась со своей новой подругой, которая так не нравилась ее матери. Оставшиеся снимки изображали разных певиц и рок-группы, видимо, которые слушала Жанна. Я досмотрела фотографии и закрыла папку.

– Жанна была ведь зарегистрирована в какой-то социальной сети? – спросила я, одновременно кликнув мышкой по значку «Интернет».

Анна кивнула.

– Да, я же рассказывала, что ей по учебе надо было, – напомнила она. – Но в какой точно – не знаю, я не спрашивала. Не разбираюсь я во всем этом...

Открылась страница Интернета. На мое счастье, Жанна не ставила огромное количество паролей, поэтому я быстро нашла в закладках социальную страничку девушки. Видимо, дочь Анны не боялась, что мать прочтет ее сообщения, зная о том, что та не умеет обращаться с компьютером. Жанна не потрудилась даже закрыть вкладки Интернета – всего я насчитала пять страниц, которые посещала обладательница ноутбука. Я просмотрела каждую – Жанна заходила в электронную почту, на страничку социальной сети, а также смотрела видеоуроки по поингу и зачем-то открывала страницу под названием «Тарасов RPG». Меня название насторожило – что она, видеоиграми увлекалась? Я посмотрела на Анну.

– Жанна играла в компьютерные игры? – поинтересовалась я.

Женщина сразу же отрицательно покачала головой.

– Нет, что вы! – заверила она меня. – Моя дочь не любит игр и не понимает людей, которые страдают игроманией. Это я вам наверняка говорю!

– Тогда почему она открывала страницу по RPG-играм? – Я кивнула на открытую вкладку. – RPG означает в переводе с английского «ролевая компьютерная игра», role-playing game. Если Жанна не интересовалась видеоиграми, почему открыта эта вкладка?

– Не знаю... – озадаченно покачала головой Анна. – Понятия не имею... Но если б Жанна играла, я бы знала об этом! Когда она смотрела фильмы, я ведь слышала звуки разговоров, и игры, насколько я понимаю, тоже со звуками. Но ничего такого Жанна не смотрела и не играла, я уверена!

– Может, вы слышали продолжительные щелканья мышкой? – предположила я и несколько раз нажала на клавишу мышки. – Звучит вот так. Когда человек играет в игру, он постоянно щелкает мышкой, поэтому если вы слышали эти звуки, значит, Жанна во что-то играла. Насколько я понимаю, акустика у вас здесь хорошая, все слышно, учитывая толщину стен.

– Надо же, вы верно заметили! – проговорила Анна. – Слышимость и правда очень хорошая. Но я точно могу сказать, что Жанна не щелкала мышкой, как вы показали. Это бы я заметила, да и в комнату я к ней заходила, когда она за ноутбуком сидела. Я имею в виду, если дочь дома ночевала... Она в основном что-то смотрела с экрана, а когда говорила, что ложится спать, компьютер выключала. Я поздно ложусь и услышала бы звуки включенного ноутбука.

Женщина замолчала, а потом вдруг воскликнула:

– Кажется, я поняла, когда дочь выпивала свои коктейли! И как я сразу не догадалась? Она ведь просила меня купить газировку в банке, спрайт или колу. Говорила, что ночью пить хочет, и хоть я предлагала ей простую воду, она забирала в комнату газировку. Я ведь думала, она свои спрайты пьет, а это только прикрытие было. Наверняка газировку Жанна выливала, а алкогольные банки прятала и выкидывала. Ох, если это только часть выпитых ею алкогольных коктейлей, боюсь предположить, сколько этанола она поглощала... Неужели моя дочь – настоящая алкоголичка? Поверить в это не могу.

– Успокойтесь, – попросила я женщину. – Может, Жанна ничего и не выкидывала, ведь человек в состоянии алкогольного опьянения и похмелья часто забывает обо всем. К тому же

все эти коктейли – напитки весьма слабые, хотя не скрою, отравя редкостная. Но если Жанна до этого не пила крепкого алкоголя, скорее всего, ей хватало и подобных спиртосодержащих вещей. Нам надо выяснить причину, по которой ваша дочь употребляла алкоголь. Насколько я могу судить, она часто бывала в плохом настроении?

– Как вам сказать... – замешкалась Анна. – Жанна с детства была очень впечатлительным ребенком. Она постоянно училась, но иногда я видела, что ей грустно. Бывало, девочка плакала без причины – на мои вопросы говорила, что ей печально и скоро это пройдет. Став старше, она перестала позволять себе проявлять эмоции, но мне кажется, она часто бывала в подавленном состоянии. Думала, может, из-за Антона – вдруг она его любит, а он – нет... Но Жанна отмахивалась, говорила, чтобы я не сочиняла глупостей, между ней и этим парнем ничего нет. Вроде как он только книжки ей почитать дает. Какое-то время дочка вела дневники, и от этого ей становилось лучше. Может, она на бумагу выплескивала свою грусть, и все проходило. Правда, потом Жанна перестала вести записи, а все свои школьные тетрадки выбросила. Я спрашивала, почему она не ведет личный дневник, но Жанна снова отмахивалась и называла это детским ребячеством, забавой.

– А может, она вела дневник, но по какой-то причине скрывала это? – предположила я. Но Анна отрицательно покачала головой:

– Нет, я бы заметила. Хотя... могу уверенно говорить только о периоде до того, как начались ее уходы из дома. Я ведь даже не могу предположить, чем дочь занималась этой весной. Хочется верить, что она посещала университет, во всяком случае, мне не звонили ее преподаватели. Но что там они с этой Наташей творили, не предположу. Я очень надеюсь, что Жанна – не такой легкомысленный и безответственный человек, чтобы опуститься до употребления каких-нибудь наркотиков. Хотя, судя по найденному мною пакету, могло случиться что угодно. Поэтому у меня вся надежда на вас, что вы поможете мне вернуть дочь. Похоже, придется обращаться к помощи хорошего психолога, сама я с Жанной не справляюсь.

– Ладно, посмотрим, с кем ваша дочь общалась по Интернету. – Я нажала на вкладку социальной сети. Высветилась страничка с аватаркой, на которой была изображена сама Жанна в своей боевой раскраске – черные стрелки на глазах, яркая помада. Девушка была одета в какую-то черную футболку, вид у нее был усталый и измученный. Я сразу поняла, что Жанна – не из тех молодых девушек, которые обожают делать селфи. Фотографироваться она не любила и не умела, я даже удивилась, что она не выставила фотографию какой-нибудь готичной нарисованной девушки вместо себя. Обычно так поступают люди, которые предпочитают не размещать в социальных сетях собственные фотографии.

Я пролистнула страницу вниз и нажала на вкладку «Друзья». У Жанны их было не так много, как я ожидала, – всего-навсего семьдесят пять человек. Но даже такое количество просмотреть – занятие не быстрое. Выйдя из профиля, я воспользовалась собственными навыками определения логина и пароля. Дело не сложное, особенно если страница Интернета уже была открыта. Я зафиксировала нужную мне информацию, намереваясь дома просмотреть весь список друзей и прочесть переписку пропавшей девушки. Жанна заходила в последний раз в социальную сеть около пяти дней назад, если верить ее странице. Я тут же поспешила уточнить у Анны, где Жанна находилась в прошлую среду.

– В среду она приходила домой, – сразу ответила женщина. – Потом ушла, в четверг. Я была на работе, надо было заполнять отчетность, и я решила сделать все дела пораньше. Надеялась вернуться домой и застать дочь – когда я уходила, она еще спала. Наверно, Жанна тогда тоже выпивала, хотя запаха я не заметила. Дочь в последнее время пользовалась очень резкими духами, и теперь я знаю почему. Она мастерски маскировалась, чтобы я ничего не заподозрила, и туалетная вода должна была перебить запах алкоголя. Если б дочь пила крепкие напитки, я бы сразу ее раскусила – сами знаете, и от крепленого вина, и от водки разит

за версту. Но я и представить не могла, что моя примерная дочка-отличница травится таким пойлом! А когда я вернулась, Жанны уже не было.

– И с того дня вы ее не видели? – закончила я.

Анна кивнула.

– Дочь присылала короткие эсэмэс-сообщения, один раз я ей позвонила. Жанна отвечала односложно и сказала, что ей некогда разговаривать. Я спросила, чем она занята и когда прекратится все это безобразие, но она бросила трубку. Утром в субботу Жанна прислала мне сообщение, как обычно. Написала – «все в порядке», и точка. Если раньше она всегда интересовалась моим самочувствием, то с того времени, как стала общаться с этой Наташей, ни разу не спросила, как я себя чувствую. Понятное дело, что это эгоизм, такое сплошь и рядом, но мне грустно было осознавать, что моя дочь станет такой... Да ладно, пусть делает что хочет, нашлась бы только.

– Давайте поищем эту ее подругу, – перевела я разговор на другую, более прозаичную тему. – Фамилии Наташи вы не знаете, так я понимаю?

– Увы, – покачала головой Анна.

Я вернулась на страницу Жанны и нажала на вкладку «Поиск», ввела имя «Наталья». Оказалось, что у Жанны в друзьях целых восемь Наташ. Я жестом предложила Анне проглядеть фотографии, чтобы та определила, какая из восьми Наталий является той странной девицей, у которой проводила время ее дочь. Женщина сощурилась и пристально взгляделась в экран.

– Это точно не она, – проговорила Анна, показывая на первую Наталью. – Плохо видно лицо, но ей на вид лет сорок, а той было примерно столько же, сколько и Жанне.

– Может, эта? – Я навела курсор на некую Наталью Рыбину, с аватарки которой смотрела улыбающаяся девушка с русыми волосами. Анна долго взглядывалась в фотографию. Чтобы ей было легче, я нажала на страничку пользователя. Однако Анна наконец отрицательно покачала головой:

– Нет, не эта. Тут девушка симпатичная, а та Наташка страшная, как не знаю кто. Давайте вернемся к списку.

Мы проглядели шесть Наташ, у которых на аватарке были собственные фотографии, но ни одна из них не была знакома Анне. Остались две Наташи – у одной вообще не было фотографии, а у другой на аватарке была изображена ярко-рыжая кошка.

– Придумают же! – осуждающе заметила Анна, кивая на рыжую животинку. – Вместо своих фотографий не пойми что вешают. Хотя, может статься, это и есть та самая Наташа, с нее станется разместить на своей странице такое. Но я не уверена.

– Давайте посмотрим фотографии на странице пользователя, – предложила я и открыла страницу Наташи, у которой в скобочках значился ник – Эрри. Анна прочитала подпись и вдруг воскликнула:

– Да точно же, это она! Я вспомнила, Жанна называла ее этой кличкой! Я спросила тогда, почему – Эрри, а Жанна сказала, что Наташ вроде много, а Эрри – одна. Я назвала это ребячеством, и дочь с тех пор называла подружку по имени.

Я нажала на фотографии на странице пользователя, чтобы удостовериться наверняка в том, что мы разыскали странную Наташу. На первом снимке я увидела крупное лицо девушки, смотрящей куда-то вправо. В принципе, назвать ее красавицей нельзя, но и уродом, каким ее описывала Анна, молодая особа не являлась. Конечно, черты лица слишком крупные, но пропорциональные, большие глаза отливали зеленым. Фотография была не лучшего качества, вероятно, девушку засняли на скорую руку и не обработали снимок. Волос Наташи не было видно, их скрывал полосатый яркий берет, а на шее был повязан такой же пестрый шарф.

– Ну точно, она! – обрадовалась мать Жанны. – Можно даже не смотреть дальше, я ее запомнила, когда она приходила к нам.

Я открыла следующую фотографию. На ней тоже была запечатлена Наташа, и опять фотография отличалась низким качеством. Странно, что девушка разместила ее на странице – засняли Наташу в тот момент, когда она что-то говорила, поэтому рот был приоткрыт, виднелись зубы, а глаза были скошены вбок. Прическа у Наташи была тоже непонятной – волосы гладко зачесаны назад и то ли заплетены в косу, то ли собраны в хвост. Снимок был сделан по плечи, но я разглядела на шее девушки какой-то кулон, изображающий нечто крылатое.

Фотографий на страничке девушки было много, и никакого намека на хронологический порядок. То Наташа была сфотографирована в компании других людей, одетых как на костюмированном празднике, то ее запечатлевали в неподходящий момент, в результате ее лицо было искажено гримасой. На одной фотографии Наташа была в обычных синих джинсах и розовой кофточке, зато в руках у нее было длинное полосатое нечто, которое она, по-видимому, хитро крутила. Я в недоумении посмотрела на Анну.

– А это что? – спросила я женщину. – У нее в руках?

– А, это и есть пои, – пояснила Анна. – Носки, то есть гольфы, а в них – шарики для тенниса. Похоже, так выглядит то, что они с ними делают...

Интереса ради я забила в поисковик слово «пои» и прочитала определение под картинкой, изображавшей человека рядом с ярким кругом огня. Оказывается, пои – это пара шаров, предназначенная для жонглирования и огненного шоу. Как выяснилось, забава эта отнюдь не новая, искусство кручения пои практиковалось еще новозеландским народом маори в качестве игры до прибытия европейцев. Сейчас существует огромное разнообразие пои – включая асбестовые шарики на цепях, которые обливаются и поджигаются. Пока они горят, фаэрщик – человек, который крутит пои, – совершает с ними различные движения, фокусы и выкрутасы. Пои могут быть и в виде полотен ткани – так называемые «флаги», и светодиодные шары с различными режимами, и обычные цветные гольфы с наполнением в виде мячиков или мешочков с рисом.

– Жанна хотела быть участницей огненного шоу? – спросила я у Анны. Та тоже с интересом читала открытую мною статью.

– Даже подумать не могла о таком! – наконец проговорила она. – Моя дочь – и собиралась стать циркачкой? Да у нее в жизни таких бредовых идей не было!

– Все однажды случается впервые, – философски заметила я. – Ладно, надеюсь, в сети указан телефон этой странной Наташи...

Мобильный Эрри был написан на странице, что заметно облегчало мою работу. Я забила цифры в память своего телефона, сверила, все ли правильно написала. Потом вытащила флешку из разъема компьютера, намереваясь выключить ноутбук. Но внезапно вспомнила, что забыла найти этого странного Антона, который выдавал Жанне книги. Я еще раз нажала на поисковик, однако среди друзей у Жанны никакого Антона не было.

– А Антона ваша дочь никаким прозвищем не называла? – поинтересовалась я у Анны. Та задумалась, потом неуверенно помотала головой.

– Нет, она вообще его никак не называла, – ответила наконец женщина. – Говорила, что имя дурацкое – Антон, поэтому она старалась не произносить его.

– Вроде нормальное имя, – пожалала я плечами. – Странно, что в сети его нет... Ладно, начну с этой Натальи, может, ваша дочь спокойно сидит у нее дома, а с мобильным и правда что-то случилось.

– Ох, как бы я хотела надеяться на это! – с жаром воскликнула Анна. – Вы ведь найдете Жанну, правда? Возьметесь за расследование?

– Я уже за него взялась, – проговорила я скромно. – Если бы я хотела вам отказать, то не стала бы включать ноутбук вашей дочери и разыскивать ее подругу. Не беспокойтесь, я постараюсь сделать все, чтобы найти Жанну.

– Я очень вам благодарна! – На этот раз в усталых, заплаканных глазах женщины я увидела проблеск надежды. Она смотрела на меня, как на неожиданного спасителя, явившегося вытащить утопающего путника из зловонной трясины, и мне даже стало немного неловко. Конечно, я считаю себя хорошим специалистом и профессиональным частным детективом, однако Жанну я пока не нашла, а ее мать уже считает меня едва ли не народной героиней.

– Я буду держать вас в курсе своего расследования, – пообещала я женщине, чтобы чем-то заполнить возникшее неловкое молчание. А та по-прежнему смотрела на меня, как на восьмое чудо света, и неустанно благодарила непонятно за что.

Глава 3

Уже сидя в машине, я раздумывала, под каким предлогом попроситься на встречу с Наташей, или Эрри, уж не знаю, как она привыкла, чтобы ее называли. В конце концов я сочинила небольшую легенду, а дальше решила действовать в соответствии с обстоятельствами. Увы, по профилю Натальи в социальной сети плохо было понятно, на что она живет и чем занимается, помимо своих странных, полубезумных увлечений. Наверняка где-то учится, но, насколько я помнила из рассказа Анны, она проживала со своим бойфрендом. И на что, интересно бы знать, они живут? Если она учится, то он – работает? Или вдвоем сидят на шее у родителей?

Я набрала номер, прослушала несколько длинных гудков, после чего трубку взяли.

– Да, – донесся до меня тихий голос.

Я откашлялась и проговорила:

– Здравствуйте, могу ли я поговорить с Наташей?

– Это я, а вы по какому вопросу? – тут же оживилась моя собеседница. Про себя я подумала, что это неплохой признак – может, я попаду в яблочко.

– Я хотела бы сделать заказ, – произнесла я, намереваясь дальше говорить что-нибудь о предстоящем торжестве, на котором хотелось бы увидеть фаэр-шоу или нечто подобное. Однако Наташа не дала мне продолжить, ответив весьма странным образом:

– Вы хотите шерсть, хлопок, лен или шелк? Могу на станке, но зависит от сложности, если что-то небольшое, то буду на бердо.

Признаться, я немного опешила. В голове пыталась как-то связать свалившуюся на меня информацию с тем, что я прочитала про поинг, однако тут же поняла, что странные термины относятся к чему-то другому. Вот только к чему?

– Я даже не знаю... – проговорила я, ни капли не лукавя. – А что вы мне посоветуете?

– Вы что хотите? Если поясok или сумочку, то одно, а если на станке картину-гобелен, здесь уже другие расценки будут.

Понемногу до меня начало доходить. Эрри, получается, не только поями жонглирует, но и занимается каким-то рукоделием – судя по ее ответу. Хоть что-то стало проясняться, ну да мне не важно, на чем мы с этой Наташей договоримся, главное – встретиться с ней. Поэтому я произнесла:

– Вы понимаете, у меня такая запутанная история, думаю, лучше поговорить при встрече. Вы мне ведь сможете что-то посоветовать?

– Конечно, – заверила меня Эрри. – Вам когда удобно встретиться? И где?

– Да хоть сегодня! – вдохновенно воскликнула я. – Мне надо срочно, поэтому я готова хоть сейчас подъехать куда нужно!

– Ой, а вы ведь можете ко мне домой приехать! – предложила Наташа. – Я вам заодно свои работы покажу, вы и выберете, что хотите. Потом по цветам нужно решить, по фактуре нитей, чтобы все подобрать. Я сегодня весь день дома, поэтому можете в любое время приехать!

– Замечательно! – Я тоже обрадовалась. – А куда мне подъезжать?

– Я живу на улице Вокзальной, дом триста девять, квартира сто семьдесят три, – проговорила Эрри. – Вы из какого района города поедете? Могу подсказать вам, на чем добратся.

– Не стоит, я представляю себе, где вы находитесь, – заверила я ее. – Думаю, минут через сорок буду у вас.

Эрри попрощалась со мной и повесила трубку. Я посмотрела по карте, где находится нужная мне улица. Девушка и правда жила в центре Тарасова, поэтому вполне могло статься, что Жанне и в самом деле удобнее было от нее добираться до университета. Если мне повезет и Жанна находится у нее, можно считать, дело раскрыто. Останется только уговорить беглянку вернуться домой и успокоить мать, которая и так доведена до крайности.

Я оказалась весьма точна в своих предположениях по поводу времени пути до дома Наташи. Добралась за тридцать пять минут и без проблем нашла нужный мне дом. Он, как и следовало из названия улицы, находился неподалеку от железнодорожного вокзала, совсем рядом с университетом, где училась Жанна. Остается выяснить, что дочь Анны делала у Эрри летом, когда учебный год еще не начался.

Дом Наташи был обычной девятиэтажкой, соседствовавшей с точно такими же высокими, не новыми домами. Жила девушка на седьмом этаже, совсем как я.

Припарковав машину возле круглосуточного универсама неподалеку, я направилась к нужному мне подъезду.

Позвонив в домофон, я подождала минуты две, после чего тот же самый голос, с обладательницей которого я разговаривала по телефону, поинтересовался, кто это. Я вспомнила, что не представилась во время нашей беседы, поэтому произнесла:

– Это квартира Наташи? Я звонила по поводу заказа.

– Открываю! – ответила та. Раздалась негромкая мелодия, и я отворила дверь.

Тесный, ветхий лифт не спеша дополз до нужного мне этажа, и я порадовалась, что он не надумал сломаться – настолько ненадежное производил впечатление. Благо в кабине я не застряла, обошлось без ненужных нелепых приключений. Возле открытой двери в квартиру под номером сто семьдесят три стояла высокая рыжеволосая девушка, в которой я узнала ту самую Наташу с фотографий в социальных сетях. Теперь, увидев Эрри воочию, я не могла не согласиться с Анной, что подруга ее дочери выглядит весьма странно и даже несуразно. Одно точно могу сказать: в ряды моделей ее бы точно не взяли, да, собственно, юная барышня и не пыталась как-то приукрасить себя мало-мальски цивилизными методами. Она явно не посещала фитнес-центры – ее ноги показались мне чересчур массивными по сравнению с более-менее стройной верхней частью туловища, лицо украшало обилие прыщей, которые обычно стараются замаскировать тональным кремом. Волосы, выкрашенные в чересчур яркий рыжий цвет, казались растрепанными, а широко распахнутые глаза смотрели с каким-то недоумением. Я поглядела на нее с неменьшим изумлением: в довершение описания облика девушки следует отметить, что один глаз у нее был зеленого, а другой – темно-фиолетового цвета. Интересно, это что – аномалия или попросту контактные линзы?

Про одежду могу сказать только то, что она гармонировала с природной наружностью Эрри. То есть была яркой, нелепой и безумной. Наташа зачем-то надела зеленые колготки, черно-желтую клетчатую юбку до колен и оранжевую кофту невесть какого фасона. На голове у нее красовалась узорчатая повязка, то ли сплетенная из ниток вручную, то ли машинного производства, а на запястьях пестрели разноцветные браслеты и фенечки. Даже сережки у Эрри были «не от мира сего» – не могу представить, кому в голову придет воткнуть в мочки ушей маленькие круги, с которых свисают разноцветные перья. Либо я ничего не понимаю в современной моде, либо Наташе не мешает проверить голову у хорошего психиатра.

– Здравствуйте! – лучезарно улыбнулось нереальное создание, оглядывая меня с ног до головы. Мда, и зубы ей не мешало бы отбелить у стоматолога. Ну или почистить на худой конец... Однако я и виду не показала, что удивлена наружностью своей собеседницы, а приветливо ответила:

– Добрый день! Меня зовут Таня, вы ведь Наташа?

– Ага, – мотнула головой та. – Вы хотите заказ сделать, так? Надо обсудить ваши пожелания, и только потом я смогу вам сказать, в какой срок выполню работу и сколько это будет стоить.

– Замечательно! – отметила я. – Вы обещали мне показать свои работы. Можно посмотреть?

– Конечно, проходите! – гостеприимно пригласила меня девушка. – Я сравнительно недавно занялась ткачеством, но у меня уже много всяких поделок. В Тарасове этот вид рукоде-

лия не слишком распространен, и я хочу продвигать его в городе. Правда, не хватает собственной мастерской, где можно было бы создать кружок или студию по обучению этому ремеслу. Квартира, сами понимаете, не слишком подходит для такого, но, увы, арендовать помещение я пока не могу.

– Да, с этим у нас сложно, – поддержала я беседу. – Вы одна живете? Или у вас вся семья ткачеством занимается?

Я искоса смотрела за реакцией Эрри на мой провокационный вопрос, но ничего подозрительного не заметила. Девушка отрицательно покачала головой и пояснила:

– Нет, мой молодой человек больше резьбой по дереву увлекается. Все-таки ткачество – это женский вид творчества, а не мужской.

– Как интересно! – Я растянула губы в улыбке. – Вы, наверно, своих подруг учите ткать? Я вот видела на вашей страничке в социальной сети, что вы и поингом занимаетесь!

– Только учусь, – скромно призналась Эрри. – До огня дело не дошло еще.

– У вас целая команда? По поингу? – продолжала я подбираться к интересующей меня теме. Однако без лишних вопросов мне было ясно, что сейчас в квартире, кроме нас двоих, никого нет. Если, конечно, Наташа не удерживает Жанну силой – привязанную к стулу с кляпом во рту, что было маловероятно. Несмотря на экстравагантный внешний вид, Эрри не походила на маньяка-похитителя. Остается только надеяться, что мне удастся узнать, где находится Жанна и почему она жила в квартире у Эрри и ее молодого человека.

– Нет, пока команды нет, – развела руками Наташа. – Мы с подружкой начинали заниматься поями, но пока все притормозилось. Я увлеклась ткачеством, поэтому стараюсь развиваться в этом направлении, на пои времени не хватает.

– А подружка? – невинно поинтересовалась я.

Эрри пожала плечами.

– Не знаю, – коротко ответила она, а затем произнесла: – Пройдемте в мою комнату, здесь мои работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.